

С. Б. ЦЫБАКОВА

(г. Гомель, УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»)

ПОЭТИКА ПРАВОСЛАВНОЙ СКАЗОЧНОЙ ПОВЕСТИ НАДЕЖДЫ ВЕСЕЛОВСКОЙ «СОКРОВИЩА»

В статье раскрывается своеобразие поэтики православной сказочной повести Надежды Веселовской «Сокровища». Рассматривается функционирование в произведении переосмысленных автором с христианской точки зрения мотивов колдовства, помощника, а также волшебных предметов, которые являются типичными для фольклорной волшебной сказки. Устанавливается значение агиографической традиции в художественной трансформации мотива помощника, в усилении дидактического звучания основного идейно-художественного смысла, выраженного в сказочной повести православным писателем-педагогом.

«Сокровища» – сказочная повесть современного православного писателя и педагога Надежды Веселовской, представляющая собой одну из жанровых разновидностей литературной сказки, которая, как считает Л. В. Овчинникова, есть «многожанровый вид литературы, построенный на художественном синтезе более сложного порядка, чем жанровый» [1, с. 102]. Произведение Надежды Веселовской предназначено, в первую очередь, для православных читателей, как взрослых, так и детей, поскольку в нем раскрывается христианское понимание смысла человеческой жизни, определяемое возвышенными евангельскими заповедями. Характерные для фольклорной волшебной сказки мотивы и реалии автор сказочной повести трансформирует таким образом, чтобы доступно, прежде всего, для детей младшего школьного возраста разъяснить, что есть ценности материальные, а что – духовные, небесные. Цель статьи заключается в определении ключевых особенностей поэтики сказочной повести Надежды Веселовской «Сокровища», обусловленных взаимодействием в авторском художественном сознании народно-сказочной традиции и евангельских идеалов, учения Православной церкви о мире и человеке.

Главные персонажи произведения – четвероклассницы Настя Фомина, Ксюша Малютина и Маша Буракова, которые являются сквозными образами в других сказочных повестях, а также рассказах Надежды Веселовской («Василиса в лягушачьей шкурке», «Ленкина осень», «Подарки к рождеству», «Каждый человек», «Корзинка с фруктами» и др.). Как и в художественном мире волшебной сказки, символическую функцию в поэтике православной сказочной повести выполняет число «три». С каждой из школьниц-подруг происходит необычная история, обусловленная влиянием демонической силы. В бумажном свертке, навязанном ведьмой, проникшей в школу под видом уборщицы, они обнаруживают странные вещицы – пожелтевшую салфетку, кривую монетку и перчаточный палец. Вскоре девочки поддаются магическому искушению и, используя волшебные предметы, попадают в беду, в опасные для своей жизни ситуации. Христианские Святые Анастасия Узорешительница, Ксения Петербургская и Мария Египетская, чьи имена носят героини, приходят на помощь своим подопечным, вызволяя их из беды.

Традиционные для волшебной сказки мотивы колдовства и помощника, чудесные предметы, значение которых переосмысливается Надеждой Веселовской с точки зрения христианского отношения к магии и колдовству, составляют наиболее примечательные компоненты поэтики ее сказочной повести. Черного цвета перчаточный палец, доставшийся Ксюше, обладает свойством широко известной сказочной шапки-невидимки. Салфетка, которую забрала склонная к чревоугодию Маша, – аналог скатерти-самобранки. Монетка имеет функциональное сходство со скатертью-самобранкой, занесенной В. Я. Проппом в группу сказочных волшебных предметов, определенных им как «дающие вечное изобилие» [2, с. 282]. Монетка обеспечивает своего владельца стольким количеством золотых монет, сколько он пожелает.

Природа чудесного раскрывается Надеждой Веселовской в зависимости от источника своего происхождения: «На свете бывают чудеса: светлые – от Бога, черные – от нечистой силы (это и есть колдовство). А все остальное подчиняется законам природы» [3, с. 99]. Автор сказочной повести утверждает несовместимость веры в Бога и колдовства. В беседе с четвероклассниками православный священник (батюшка), также выступающий одним из сквозных персонажей ряда произведений Надежды Веселовской о детях, разъясняет: «Всякое колдовство – обман <...>. И добрые ведьмы – ложь, и “клевый” Гарри Поттер...» [3, с. 147].

Монетка, салфетка, перчаточный палец являются персонализациями отрицательных душевных склонностей Насти, Ксюши и Маши (сребролюбие, чревоугодие, тщеславие, любопытство и др.). Девочки, как и три героя сказки братьев Grimm, рассказанной учительницей Аллой Артемовной, принявших от лесной ведьмы монетку, салфеточку и «отрезанный от перчатки кожаный палец» [3, с. 85], оказываются во власти демонического соблазна, когда эгоистические чувства берут верх над добрыми побуждениями. На собственном горьком опыте подружки убеждаются, что доставшиеся им магические предметы могут приносить только зло, даже если их и используют с благими намерениями. Так, новая золотая монетка, отданная Настей нищему старику-инвалиду, неожиданно превращается в дешевый блестящий кружок, вызывая у несчастного человека раздражение и обиду. Колдовские золотые монеты, которые девочка хочет обменять в банке на «обычные деньги, бумажные» [3, с. 129], чтобы, как святая Анастасия Узорешительница помогать бедным и больным людям, становятся внезапно у всех на глазах кружками из шоколада, обернутыми фольгой. Выйти из банка так, что и внимания на нее никто не обратил в связи со странным происшествием, девочке помогает Святая, о самоотверженных деяниях которой в тюрьмах, где находились пленники, Насте рассказывал ее крестный. Маша, раздав детям из бедной многодетной семьи и старушкам, жившим в ее дворе, всевозможные пирожные, заказанные у салфетки-самобранки, слышит вдруг за своей спиной шепот: «Гляди, как Бураковы жить стали... Весь двор сладостями завалили... Не иначе отец с матерью воруют...» [3, с. 120]. Миражом оказываются и жареные антрекоты, салаты, осетрина, сладкое, фрукты, которыми Маша хотела угостить свою бабушку: «Но неожиданно все разрешилось само собой: после того как бабуля перекрестилась да еще помянула Господа, вся прекрасная еда на столе куда-то исчезла» [3, с. 115]. Колдовство терпит поражение перед крестным знаменем, покаянием, божественной силой святости.

Монетка, салфетка и перчаточный палец – зловещие и смертоносные вещи. То, как обременительно и опасно не иметь зримого облика, испытывает на себе Ксюша. Ее путешествие на Смоленское кладбище в Петербурге, неподалеку от которого находится часовня, где хранятся мощи блаженной Ксении Петербуржской, заканчивается благополучно лишь благодаря неоднократной помощи Святой. Максимально доходчиво для детского сознания Надежда Веселовская изображает различные ситуации, иллюстрирующие отрицательные стороны жизни человека-невидимки, акцентируя тем самым идею могущества Бога – Творца и бессилие перед божественными законами колдовских чар. Так, надев на руку «свой волшебный палец» [3, с. 112], девочка едва не попадает под колеса автомобиля, «поскольку водитель, как и все остальные, Ксюшу не видел и думал, что дорога впереди пустая» [3, с. 122].

Блаженная Ксения Петербуржская, преподобная Мария Египетская и великомученица Анастасия Узорешительница показаны в произведении как чудотворные спасительницы детей. От своего крестного Настя слышит следующее наставление: «Самое правильное, когда человек берет пример со Святых. Например, со своего Святого, в честь которого назван...» [3, с. 106]. «Может быть, судьба ее святой, блаженной Ксении Петербуржской, в честь которой Ксюшу крестили, связана со странствиями?» – размышляет девочка после того, когда узнает, как ее имя переводится на русский язык [3, с. 109]. «Когда я увидела, что тебя долго нет, сейчас же за канон. Наша Святая всегда приходит на помощь...» – утверждает благочестивая Машина бабушка в одной из бесед с внучкой [3, с. 141].

Сказочный мотив помощника Надежда Веселовская переосмысляет, связывая его с агиографической традицией Православной церкви. Сверхъестественные способности небес-

ных спасительниц детей обусловлены святостью их жизни, полным единением с благодатной волей Божией, в то время как колдовство – преступление против Божественного миропорядка. О прожившей сорок семь лет в пустыне «на крошке хлеба да на горьком соке из трав» [3, с. 117] Марии Египетской Машина бабушка говорит: «Такой святости достигла, что, когда молилась, на полметра от земли отрывалась и стояла на воздухе!» [3, с. 118]. Вопреки законам природы Святая не умерла от истощения, поскольку «когда совершается чудо, законы на время отступают» [3, с. 117]. «Ведь это Господь сотворил мир со всеми законами, значит, Ему и распоряжаться!» – убеждена бабушка-христианка. В одном из эпизодов сказочной повести перед смертельно испуганной Машей и ее обидчиками Святая появляется из стены здания. Ее облик отличается яркой необычностью и содержит портретные детали, которые соотносятся с особенностями ее многолетней подвижнической жизни: «страшная худоба, загар, как в африканской пустыне, длинные выгоревшие волосы... А во взгляде столько внутренней силы, что из глаз этой женщины как будто струятся потоки жаркого света» [3, с. 140]. Включение агиографических компонентов в поэтику православной сказочной повести способствует усилению дидактического звучания выраженного в ней основного идейно-художественного смысла, придает произведению жанрово-стилевое своеобразие.

Греховная сущность колдовства раскрывается Надеждой Веселовской во взаимодействии с утверждением христианских истин, евангельских нравственных установок. Избавившись от навязанных ведьмой вредоносных вещей, девочки принимают участие в беседе с батюшкой, который и произносит известные слова из Нагорной проповеди Иисуса Христа: **«Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапываются и крадут; но собирайте себе сокровища на небесах»** [3, с. 148]. К приведенному выше евангельскому речению восходит заглавие сказочной повести, заключающее в себе ключевую авторскую мысль о безмерном приоритете «небесных сокровищ» перед земными, вещественными благами. В беседе со священником четвероклассники рассуждают над тем, «какие сокровища относятся к земным, а какие – к небесным» [3, с. 148]. Батюшка объясняет детям, в чем заключаются признаки «земных сокровищ» и почему Иисус Христос не велел собирать их. В отличие от временных материальных благ «небесные сокровища», которые христианский святой апостол Павел определил «как любовь, милосердие, сострадание, кротость, терпение» [3, с. 149], вечны, завещаны Богом и имеют вследствие этого первостепенное значение для спасения души. «Вообще можно сказать, что каждый добрый поступок – небесное сокровище», – заключает батюшка [3, с. 149].

Надежда Веселовская стремится донести до сознания своих читателей идею духовно-нравственного смысла обыденной жизни, в которой есть «много способов СОБИРАТЬ НЕБЕСНЫЕ СОКРОВИЩА» [3, с. 152]. Колдовство поэтому в идейно-тематическом контексте произведения – путь индивидуалистического самообмана, заблуждения, нередко пустой и праздной фантазии, ведущий к нравственной деградации, гибели души, препятствующий обретению «небесных сокровищ», а также осознанию красоты и гармонии Божьего мира. Данная мысль выражена в завершающих произведение философско-лирических строках:

Суеты неоглядной ради,
За особой гоняясь судьбой,
Мы отталкиваем не глядя
Жизнь, что льется сама собой...

Но когда-нибудь ненароком,
Чем нечаянней, тем сильнее
Нас пронзит светозарным током
Ощущенье обычных дней [3, с. 152].

Подводя итоги, отметим, что одна из главных особенностей поэтики православной сказочной повести «Сокровища» Надежды Веселовской – сверхъестественное, компонента-

ми которого являются типичные для волшебной сказки мотив колдовства и чудесные предметы. Последние переосмысливаются автором – православным педагогом – в качестве атрибутов демонического зла, магии, их использование показано как грех, преступление против законов Бога. Изображение чудесной помощи, оказанной Святыми детям, попавшим в ловушку ведьмы, выходит за пределы поэтики сказочной фантастики и включает в себе агиографический жанрово-стилевой код. Ярko выраженная черта поэтики рассмотренной православной сказочной повести – дидактизм, проявляющийся в беседах персонажей, содержащих мотивы житий Святых и евангельские учительные речения.

Список использованной литературы

1 Овчинникова, Л. В. Русская литературная сказка XX века : история, классификация, поэтика : учебное пособие / Л. В. Овчинникова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2003. – 312 с.

2 Пропп, В. Я. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. – СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. – 544 с.

3 Веселовская, Н. Сокровища / Н. Веселовская. – М. : Риза, 2014. – 272 с. : ил.

The article considers the variety of the poetics of the fairy story “The Treasure” by Nadezhda Veselovskaya. It focuses on the aspects of functioning of the motives of the magic and assistant interpreted by the author from the Christian perspective as well as magic items that are typical of a folklore magic story. The meaning of the hagiographical tradition in the artistic transformation of the motive of the assistant has been established, which is about the intensification of the didactic potential of the major high-principled artistic idea expressed by the orthodox writer and pedagogue in the fairy story.

УДК 811.161.3'282.2 (476.2): 664.8.036.62

С. В. ЧАЙКОВА

(г. Гомель, УА «Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны»)

НАЙМЕННІ БУТЭЛЬКІ Ў ГАВОРКАХ ГОМЕЛЬШЧЫНЫ

У артыкуле аналізуюцца літаратурныя і дыялектныя найменні бутэлькі, якія зафіксаваны ў гомельскіх гаворках. Акрэсліваюцца мовы, у якіх ужываецца дадзеная назва; вызначаецца этымалогія ўнармаваных адзінак, ілюструецца выкарыстанне разнастайных варыянтаў і сінанімічных лексем у розных раёнах Гомельшчыны, падаюцца значэнні многазначных дыялектызмаў і словы-амонімы.

Вывучэнне дыялектнай лексікі заўсёды з'яўляецца актуальным, бо народныя найменні – гэта невычэрпная крыніца літаратурнай мовы; прадметы, якія яны называюць, утрымліваюць у сабе інфармацыю пра штодзённую дзейнасць чалавека, якая дазваляла людзям забяспечваць сябе самым неабходным для жыцця.

Асабліваю актуальнасць набыло вывучэнне дыялектнай лексікі ў апошні час, бо ўзнікла неабходнасць захавання народныя словы тых вёсак, што былі выселены ў сувязі з чарнобыльскай аварыяй. Ды і наогул трэба захавання словы нашых продкаў, якія жылі, нараджалі дзяцей, працавалі і давалі свае, трапныя і ёмка, найменні паўсядзённым рэчам.

Аб'ектам нашага даследавання паслужылі найменні аднаго з прадметаў гаспадарчага побыту – *бутэлькі* – у гаворках Гомельшчыны. Назва ‘шкляннай пасудзіны для вадкасцей,